ОПЫТЪ СИСТЕМЫ НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

ОПЫТЪ СИСТЕМЫ
НРАВСТВЕННОЙ
ФИЛОСОФІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Магистра Алексѣя Дроздова.

Parue . . . . liber. . . . .
vade, sed incultus.

Trist. Ovid. Nas. liber I. 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

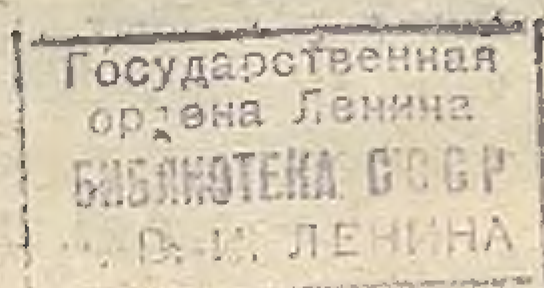
Печатано въ типографіи И. Глазунова.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, Іюня 24 дня 1835 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

Издалъ Св. Ѳ. Сидонскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Осмѣливаясь представить Ученой Публикѣ первый опытъ своего усердія къ Наукѣ, столько же высокой по своему внутреннему достоинству, сколько необходимой и благодѣтельной въ обществахъ человѣческихъ, я не могу не признаться, что произведеніе пера моего не вполнѣ отвѣчаетъ понятіямъ и требованіямъ тѣхъ писателей, кои любятъ подвергать строгому изслѣдованію самыя несомнѣнныя истины, и сочинять обширныя системы. — Въ наше время нѣтъ, кажется, чувствованій, нѣтъ помысловъ, болѣе или менѣе сокровенныхъ въ природѣ человѣ-

чества, коихъ бы новѣйшая любознательность Нѣмцевъ не старалась привесть въ математическую очевидность и разложить на составныя начала. Въ семъ отношеніи какъ рѣшительный, догматическій тонъ, такъ и самая краткость моего сочиненія, не могутъ не показаться нѣсколько противными направленію новѣйшей философіи.

Но касательно краткости скажу въ свое оправданіе, что она только тогда можетъ считаться неизвинительнымъ недостаткомъ системы, когда препятствуетъ полнотѣ и ясности изложенія. Стараясь не столько повѣрять различныя практическія чувства и потребности человѣка началами той или другой философской системы, сколько приводить

въ ясный, систематическій порядокъ истины, уже достовѣрныя, извѣстныя всѣмъ, болѣе или менѣе замѣчающимъ во глубинѣ нашего духа отпечатокъ бытія высшаго, нравственнаго, — я, сколько могъ, избѣгалъ, при развитіи коренныхъ идей нравственной философіи, словъ, выраженій и оборотовъ сбивчивыхъ. Только на то, что имѣетъ прямое, существенное отношеніе къ началамъ, законамъ, побужденіямъ и обязанностямъ жизни нравственной, было обращено особенное вниманіе сочинителя. Открывать мысли посторонній, кои или уясняютъ идею нашего нравственнаго достоинства, или усиливаютъ, облегчаютъ стремленіе человѣка къ совершенству, выводить различныя слѣдствія, на самомъ опытѣ показывающія

гнусность порока и прелесть добродѣтели, наконецъ составлять на основаніяхъ разумнаго законодательства различныя правила жизни: — все это предоставлено размышленію читателя, или внимательности наставника.

Что касается до методы изложенія, то мнѣ кажется, простая, догматическая форма есть самая приличная сочиненіямъ нравственнаго содержанія. Въ умозрѣніи испытатель естества можетъ позволить себѣ всѣ возможные способы строгаго, безпристрастнаго изысканія истины, не опасаясь какихъ нибудь вредныхъ послѣдствій: потому что заставить на прим. человѣка усомниться въ томъ, что пространство и время существуютъ независимо отъ на-

шей способности чувственно-созерцательной — ни сколько неопасно. Но поколебать увѣренность въ истинѣ нашего свободнаго, нравственно-разумнаго существованія, въ святости долга, въ непреложности Божественнаго воздаянія, не значило ли бы усиливать чувственное, преступное стремленіе наше освободиться отъ всякаго долга и законодательства и жить на подобіе безсловесныхъ твореній? — Справедливо ли думаю, пусть рѣшитъ здравомыслящій читатель. Впрочемъ во всякомъ случаѣ отдаюсь на судъ безпристрастной, отечественной критики.

Магистръ А. Дроздовъ.

23 Августа 1835 года.

ОПЫТЪ
НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

ВСЕОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ
ВЪ
Дѣятельную философію.

§ 1.

Различіе дѣятельнаго и умозрительнаго познанія.

Дѣятельная философія стремится къ развитію идеи добра въ человѣчествѣ, такъ какъ умозрительная — къ развитію идеи истины. Впрочемъ всякое дѣятельное познаніе есть вмѣстѣ и умозрительное. Ибо добро необходимо должно быть истиннымъ. И умозрительное познаніе

становится дѣятельнымъ, когда получаетъ вліяніе на чувствованія и дѣятельность человѣка.

§ 2.

Понятіе дѣятельной философіи.

Дѣятельная философія есть наука, занимающаяся изслѣдованіемъ вѣчныхъ и неизмѣняемыхъ законовъ нравственности и права. По сему она не можетъ выводить началъ своихъ изъ опытовъ историческихъ, или изъ какихъ нибудь правдоподобныхъ правилъ; но требуетъ точныхъ и основательныхъ свѣденій о томъ, что само въ себѣ истинно, хорошо и справедливо.

§ 3.

Предметъ дѣятельной философіи.

Вѣчныя идеи нравственности и права составляютъ предметъ дѣятельной фи-

лософіи. Разумъ занимается систематическимъ изслѣдованіемъ ихъ, или а.) углубляясь въ ихъ существенныя, составительныя части, или б.) разсматривая ихъ въ отношеніи къ человѣческой жизни — въ обществѣ и церкви.

§ 4.

Раздѣленіе дѣятельной философіи.

Дѣятельная философія, какъ наука добраго и справедливаго, состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: 1.) изъ философіи нравовъ (moralis philosophia) и 2.) изъ философіи Естественнаго права (ius naturae). Обѣ части философіи, въ своей неразрывной связи, должны заниматься рѣшеніемъ задачи: какимъ образомъ облагородить бытіе и жизнь человѣчества въ его чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ.

*

§ 5.

Отношеніе дѣятельной философіи къ умозрительной.

Дѣятельная и умозрительная философія суть виды одной и той же науки: слѣд. относятся другъ къ другу, на основаніи такъ называемой *координаціи*, такъ, что каждый изъ нихъ независимо отъ другаго можетъ стремиться къ достиженію своей полноты и самостоятельности. По сему поставлять философію умозрительную выше дѣятельной и на оборотъ, значитъ превращать естественный порядокъ столько же въ стремленіи человѣчества къ совершенству, сколько въ естественномъ отношеніи наукъ и знаній. Ибо умозрительная философія также направлена къ истинному, обнаруживающемуся въ вѣденіи

и познаніяхъ, какъ и дѣятельная къ добру, коимъ запечатлѣваются наши желанія и поступки.

НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ

или

ФИЛОСОФСКОЕ НРАВОУЧЕНІЕ.

§ 6.

Нравственная философія, какъ наука, занимающаяся законами истинной нравственности, поставляетъ своимъ непосредственнымъ предметомъ внутреннюю жизнь человѣка, т. е. его чувствованія. Ибо духовный источникъ всѣхъ нашихъ дѣйствій заключается въ чувствованіяхъ. Она по своему объему должна быть раздѣлена на часть всеобщую и особенную, потому что должно 1) изслѣдовать существо нравственной жизни вообще,

и 2) показать, какимъ образомъ истинная нравственность обнаруживается въ церковномъ и гражданскомъ бытіи человѣчества.

§ 7.

Отношеніе ея къ Христіанскому нравоученію.

Нравственная философія новѣйшихъ временъ обязана своимъ высшимъ образованіемъ и направленіемъ преимущественно Христіанству; если бы захотѣли мы отнять у ней все, что заимствовала она изъ Христіанскаго нравоученія: то лишили бы ее всей ея силы. По сему-то Нравственная философія занимается только систематическимъ утвержденіемъ и изложеніемъ нравственнаго ученія Христіанства съ тою цѣлію, чтобъ возвысить нравственное чувство чело-

вѣчества на степень яснаго нравственнаго познанія.

§ 8.

Достоинство и польза.

Чувство нравственное, оставленное себѣ самому, легко можетъ впасть въ заблужденіе или въ безсиліе, частію отъ тѣхъ ложныхъ правилъ, вкоренившихся въ человѣческихъ обществахъ, которыя вообще не допускаютъ никакой нравственности, а частію отъ побужденій и наклонностей своекорыстныхъ, привязывающихъ человѣка только къ земному.

Нравственная философія ведетъ насъ къ точному познанію вѣчныхъ законовъ нравственной жизни, отличая истинныя нравственныя начала отъ ложныхъ, благопріятствующихъ эгоизму и всѣмъ низкимъ страстямъ испорченной природы человѣческой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВСЕОБЩАЯ НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.

§ 9.

Предметъ общей нравственной философіи.

Всеобщая часть философскаго правоученія развиваетъ первоначальныя идеи природы человѣческой, на которыхъ основывается возможность нравственнаго бытія вообще, именно идеи: 1) добра, 2) нравственной свободы и наконецъ 3) нравственной побудительной причины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИДЕЯ ДОБРА.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Всеобщее развитіе идеи добра.

§ 10.

Доброе есть религіозная идея, также какъ истинное и прекрасное.

Человѣческій духъ поставляетъ Бога

первоначальнымъ источникомъ столько же всего Добраго, сколько всего Истиннаго и Прекраснаго, слѣд. вѣчная идея добраго имѣетъ тѣсную, превѣчную связь съ Богомъ, Существомъ Всесвятѣйшимъ. Ибо все доброе принимаетъ характеръ истиннаго добра не иначе, какъ отъ своего участія въ превѣчномъ добрѣ и превѣчной истинѣ. По сему-то все нравственно-доброе и запечатлѣно печатію величія и святости, возбуждающихъ въ человѣкѣ безконечное благоговѣніе. Ибо оно есть *отраженіе* высочайшаго Добра — Бога.

Доброе имѣетъ также тѣснѣйшее сродство съ Истиннымъ и Прекраснымъ. Ибо и оно также какъ истинное и прекрасное не подлежитъ никакой перемѣнѣ; — вѣчно равное самому себѣ, оно

никогда не терлетъ высокаго значенія своего для человѣческаго духа.

Нравственно-доброе становится изящнымъ, когда обнаруживается въ насъ, какъ любовь къ Богу и человѣчеству. По сему каждый добрый поступокъ человѣка есть вмѣстѣ истинный и прекрасный поступокъ.

§ 11.

Высочайшее добро и высочайшее зло.

Высочайшее добро (summum bonum, finis bonorum) должно имѣть безусловное, самостоятельное достоинство и преимущество въ сравненіи съ земными благами. По поелику нравственное бытіе человѣка есть его непрерывное стремленіе къ чистотѣ чувствованій и святости — стремленіе, къ которому обязываетъ насъ мысль о безусловной чи-

стотѣ и святости Божіей; то и высочайшее добро можно разсматривать а) въ его отрѣшенной полнотѣ и b) во отношеніи къ человѣческой жизни (объективно и субъективно).

Въ первомъ случаѣ высочайшее добро есть только Богъ. Ибо нѣтъ добра, если нѣтъ Бога; но, въ отношеніи къ человѣческому бытію, высочайшее благо есть чистота чувствованія или святость воли, основывающаяся на томъ, что Богъ святъ.

Если любовь къ Богу, въ дѣлахъ и чувствованіяхъ, есть высочайшая и послѣдняя цѣль всего нравственнаго стремленія: то забвеніе Бога, какъ основаніе и корень всѣхъ дѣлъ безнравственныхъ, должно почитать высочайшимъ зломъ. Оно обнаруживается въ *непокорности* и *своекорыстіи*, которыя не что иное суть,

какъ двѣ степени нашего отпаденія отъ Бога. Ибо тамъ, гдѣ онѣ укореняются, наши мысли и желанія разрываютъ свою связь съ Божествомъ, принимаютъ направленіе къ одному тлѣнному, стараясь утвердить бытіе и жизнь, независимыя отъ Бога.

§ 12.

Блага относительныя.

Относительныя блага суть средства, для осуществленія высочайшаго добра, такъ какъ безъ средствъ нельзя достигнуть цѣли. Они называются относительными по той причинѣ, что истинное достоинство приписывается имъ только подъ условіемъ ихъ отношенія къ безусловному или высочайшему добру, которое есть высочайшая и послѣдняя цѣль ихъ пріобрѣтенія и употребленія. Въ противномъ случаѣ онѣ теряютъ

все истинное свое значеніе, становятся благами мнимыми (bona apparentia), составляющими предметъ одного чувственнаго наслажденія.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Первоначальный законъ нравственной жизни.

§ 13.

Существенныя свойства высочайшаго нравственнаго закона.

Если высочайшій законъ нравственности долженъ имѣть истинное достоинство и нравственную цѣну: то онъ долженъ происходить a) изъ идеи высочайшаго добра, b) обнимать всю область нравственной жизни, слѣд. имѣть характеръ безусловной всеобщности, c) долженъ имѣть прямое и преимущественное направленіе къ нашему чув-

ству, ибо только чувство сіе зависитъ отъ воли во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Но когда мы станемъ требовать отъ высочайшаго нравственнаго закона того, чтобы онъ всегда научалъ, какъ долженъ поступать нравственно-добрый человѣкъ въ каждомъ особенномъ, непредвидѣнномъ случаѣ, то или будемъ требовать отъ него совершенно невозможнаго, или мораль должна перемѣниться въ такъ называемую Казуистику. Въ такомъ случаѣ, чтобы не разстроить связи и единства началъ дѣятельной философіи, лучше всего предоставить различеніе добра и зла самому произволу человѣка.

§ 14.

Высочайшее начало нравственности.

Всякая нравственная жизнь предполагаетъ истинно-нравственное чувство;

именно она требуетъ, чтобы человѣкъ поставлялъ средоточіемъ своего бытія не эгоизмъ или безнравственное самолюбіе, но любовь къ Богу и человѣчеству. По сему высочайшій нравственный законъ можетъ быть выраженъ такъ: *устремляй свое чувство къ Богу во всѣхъ отношеніяхъ жизни.* Сіе начало нравственности проистекаетъ a) изъ идеи высочайшаго добра, которое есть Богъ; b) обнимаетъ всю область нравственной жизни, потому что относится къ чувству, сему коренному источнику нашихъ поступковъ; c) связываетъ нравственность съ Религіею, и тѣмъ самымъ обезпечиваетъ истинное достоинство нравственности.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Производные нравственные законы.

§ 15.

Содержаніе ихъ.

Нравственные законы вообще суть умозрительные и дѣятельные. Ибо они руководствуютъ насъ къ познанію добра и зла и вмѣстѣ относятся къ нашимъ чувствованіямъ и поступкамъ. Они вѣчны и неизмѣняемы; — суть законы Божественные; поелику имѣютъ свое основаніе въ Богѣ и въ существѣ природы человѣческой.

По своему объему всѣ нравственные законы суть: а) или отрицательные, — запрещающіе, или b) положителвные, — повелѣвающіе. Законы отрицательные запрещаютъ всякое злое чувствованіе вмѣстѣ съ дѣйствіями и поступками,

кои изъ него проистекаютъ; положительные напротивъ того требуютъ отъ насъ любви къ Богу и ближнему какъ въ чувствованіяхъ, такъ и поступкахъ.

Прим. Систематики раздѣляютъ нравственные законы а) на высшіе и низшіе, b) на согласные и противорѣчущіе. Впрочемъ сіе раздѣленіе можетъ быть полезно только тогда, когда дѣло идетъ о какомъ нибудь уже опредѣленномъ поступкѣ.

§ 16.

Противорѣчіе нравственныхъ законовъ.

Противорѣчіе нравственныхъ законовъ (collisio legum) не возможно въ чувствованіяхъ; оно можетъ случиться только въ человѣческихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ.

Отрицательные нравственные законы

никогда не могутъ противорѣчить другъ другу. Это очевидно изъ свойства законовъ сихъ. Они открываются человѣку въ своихъ запрещеніяхъ; но человѣкъ можетъ узнать запрещенное и не дѣлать его во всѣхъ отношеніяхъ своей жизни; слѣдов. сіе противорѣчіе можетъ встрѣтиться только a) между закономъ отрицательнымъ и положительнымъ, и b) между двумя положительными. Когда 1) законъ положительный противорѣчитъ отрицательному, въ такомъ случаѣ первый долженъ уступить послѣднему. Ибо ничто не позволяетъ дѣлать какое нибудь преступленіе средствомъ даже для доброй цѣли, — ничто не позволяетъ дѣлать зло, изъ котораго можетъ произойти добро. Самая святая цѣль не можетъ освятить преступнаго средства, потому что не возможно сдѣлать пре-

ступленія нравственно-добрымъ поступкомъ.

Но когда 2) противорѣчіе находится между двумя положительными нравственными законами, тогда законъ низшій долженъ уступить высшему. Ибо несообразно съ нравственностію уничтожать высшее для низшаго. Изъ сего очевидно, что изъ двухъ противоположныхъ нравственныхъ законовъ только одинъ можетъ имѣть силу въ отношеніи къ нашей дѣятельности.

§ 17.

Нравственная обязанность и должность.

Обязанность (obligatio) сообразоваться съ нравственнымъ закономъ называется нравственною потому, что она проистекаетъ изъ духовной природы человѣка и направлена къ свободѣ нашей

воли. Посему лицемъ сей обязанности можетъ быть только человѣкъ, способный дѣлать употребленіе своего разума и воли. Нѣтъ никакой обязанности къ поступкамъ невозможнымъ въ физическомъ ли то, или нравственномъ отношеніи.

То, что нравственный законъ запрещаетъ и повелѣваетъ въ отношеніи къ дѣйствующему лицу называется должностію (officium). Должность требуетъ неограниченной покорности закону, покорности, проистекающей не изъ физическаго принужденія, но изъ свободнаго расположенія сердца, и потому должность есть нравственная необходимость. Но поелику всѣ должности проистекаютъ изъ нравственнаго закона: то также, какъ и самый нравственный законъ, можно разсматривать ихъ въ

отношеніи положительномъ и отрицательномъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О НРАВСТВЕННОЙ СВОБОДѢ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Развитіе сей идеи.

§ 18.

Свобода воли, разсматриваемая въ ея противоположности съ необходимостію естественною.

Нравственная *свобода* есть дѣятельность, руководствующаяся своими внутренними побужденіями и цѣлями, — дѣятельность, совершенно независимая отъ прочихъ естественныхъ, — духовная; *необходимость* напротивъ обнаруживается намъ, какъ дѣятельность, о-

граниченная законами времени и пространства. По сему свобода нашей воли есть коренная сила души, — способность, основанная на существѣ человѣческой природы: но жизнь человѣка, какъ лица недѣлимаго, подлежитъ и законамъ необходимости, въ силу которой та же самая свобода обнаруживается уже, какъ внѣшнее дѣйствіе или поступокъ. Безъ необходимости нашей собственной природы, мы не могли бы знать и въ чемъ состоитъ самая свобода воли.

Нѣтъ совершенной противоположности между необходимостію и свободою; ибо та и другая соединяются въ человѣческой природѣ слѣдующимъ образомъ:

Совершенно свободны а) всѣ мысли и ощущенія, какъ порожденіе духовной природы человѣка. Но мысли и ощущенія составляютъ то, что называется вну-

треннимъ чувствомъ, слѣдов. совершенно свободно человѣческое чувство, какъ духовный источникъ всѣхъ человѣческихъ поступковъ. Далѣе совершенно свободны b) всѣ движенія тѣла, отвѣчающія мыслямъ и ощущеніямъ; слѣдов. отвѣчающія внутреннему чувству. Ибо въ сихъ явленіяхъ выражается всегда и вездѣ свобода человѣческаго духа.

Отъ законовъ необходимости зависитъ а) бытіе человѣческаго тѣла и его отношеніе къ міру внѣшнему; b) каждое впечатлѣніе, производимое въ душѣ нашимъ составомъ тѣлеснымъ, на прим. впечатлѣніе голода, жажды, теплоты и стужи и проч. Но сія необходимость тѣлеснаго состава не можетъ поколебать основаній свободы, или сдѣлать ей какое нибудь принужденіе. На семъ основывается положеніе, принятое схола-

стиками: Uoluntas non est immunis a necessitate, sed a coactione tantum (т. е. воля не независитъ отъ необходимости, но не зависитъ отъ принужденія).

§ 19.

Свобода внутренняя и внѣшняя.

Внѣшняя свобода принадлежитъ къ дѣйствію и поступку, и въ семъ случаѣ ограничивается внѣшними отношеніями и силами естественными. Только воля, но не дѣйствіе внѣшнее, всегда и совершенно зависитъ отъ распоряженій одного духа; это потому, что мы безусловно можемъ желать добраго дѣйствія, между тѣмъ силы природы могутъ препятствовать осуществинію его. Въ семъ случаѣ воля и самое дѣйствіе значатъ одно и то же. — Только свобода внутренняя возвышена надъ всякимъ при-

нужденіемъ. Ибо внутреннее чувство не можетъ быть принуждено къ чему нибудь ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ образомъ, т. е. ни посредствомъ физическаго насилія, ни посредствомъ побужденій и наклонностей чувственныхъ.

§ 20.

Задачи, касающіяся нравственной свободы.

1.) Можетъ ли насиліе, или физическое принужденіе уничтожить нашу нравственную свободу?

Принужденіе или насиліе можетъ нарушить и уничтожить только внѣшнюю, но не внутреннюю свободу; ибо чувство наше всегда остается непринужденнымъ, свободнымъ; слѣд. когда чисты наши чувствованія, то и тѣло ни сколько не очерняется внѣшнимъ принужденіемъ. Но чтобы тотъ, кого посредствомъ

физическаго насилія принуждаютъ къ какому нибудь безнравственному поступку, остался совершенно невиннымъ, нужно, чтобъ онъ боролся съ искушеніями, внѣшнимъ и внутреннимъ образомъ, сколько позволятъ его силы; ибо кто не сражается съ принужденіемъ, тотъ не терпитъ никакаго насилія.

2.) Могутъ ли ужасы смерти принуждать нашу волю сдѣлать какой нибудь поступокъ не свободно?

И самый страхъ смерти не можетъ поколебать нравственнаго могущества воли. По сему, кто боясь смерти, дѣлаетъ зло, поступаетъ свободно; ибо считаетъ потерю жизни большимъ зломъ, нежели потерю нравственности.

3.) Какое вліяніе имѣютъ на чувствованія и поступки заблужденіе и невѣжество?

Заблужденіе бываетъ или произвольное, или непроизвольное. Произвольныхъ заблужденій можно избѣжать, и по сей самой причинѣ они свободны. Непроизвольное заблужденіе неизбѣжно, слѣд. и несвободно. То же можно сказать и о невѣжествѣ.

Теперь, если худой поступокъ происходитъ отъ непроизвольнаго заблужденія, или непроизвольнаго невѣжества: въ такомъ случаѣ хотя виновникъ поступка можетъ быть оправдываемъ, но самый поступокъ никогда не будетъ добрымъ; для человѣка и человѣчества онъ — несчастіе.

§ 21.

Понятіе такъ называемаго Детерминизма, или системы, опровергающей нравственность нашихъ дѣйствій.

Ученіе, по которому всѣ наши чувствованія и поступки зависятъ будто отъ не-

*

обходимыхъ причинъ, называется Детерминизмомъ. Вооружаясь противъ всѣхъ священныхъ, непреоборимыхъ требованій человѣческаго духа, оно отвергаетъ всякую свободную самодѣятельность, предполагаетъ безконечный рядъ причинъ и дѣйствій, слѣдов. принужденіе не только внѣшнее, но и внутреннее.

§ 22.

Различіе Детерминизма отъ Фатализма.

Ежели ученіе Детерминизма покаряетъ нравственную жизнь слѣпой необходимости зиждущей, устрояющей вселенную и управляющей ея законами: то называется Фатализмомъ — сообразно съ любимымъ изреченіемъ Стоиковъ: ducunt uolentem fata, nolentem trahunt (слѣпой рокъ ведетъ хотящихъ итти — влечетъ нехотящихъ).

§ 23.

Ложныя основанія Детерминизма.

Детерминизмъ опирается на слѣдующихъ ложныхъ началахъ:

1.) Всякое выраженіе воли находится въ тѣснѣйшей связи съ познаніемъ добра и зла; сіе познаніе дѣлаетъ принужденіе волѣ, слѣдов. человѣкъ поступаетъ несвободно. — Но пусть познаніе происходитъ по необходимымъ законамъ человѣческаго духа: рѣшимость чувствовать расположеніе къ узнанному добру и злу, и приводить въ исполненіе то или другое — совершенно свободна и не зависитъ отъ принужденій. Исторія ужаснѣйшихъ злодѣевъ, которыхъ совѣсть всегда была на сторонѣ добродѣтели, подтверждаетъ сію истину довольно ясно.

2.) Всякое желаніе предполагаетъ достаточную причину, слѣд. всякое желаніе зависитъ отъ какой нибудь необходимости.

Начало воли есть — самая воля, т. е. воля есть безусловная причина своей собственной рѣшимости, и не происходитъ отъ какой либо внѣшней причины.

3.) Нравственная свобода предполагаетъ, что человѣкъ можетъ дѣлать зло, слѣд. люди получили отъ природы способность ко злу.

Возможность дѣлать зло не принадлежитъ къ существу свободы. Иначе Богъ, который есть первоначальный источникъ всякой свободы, не имѣлъ бы свободы. Но — что человѣкъ чувствуетъ иногда какъ бы влеченіе ко злу, — это показываетъ уже нѣкоторый переворотъ въ его первоначальной природѣ, переворотъ, который совсѣмъ не былъ необхо-

димымъ слѣдствіемъ нашей свободы, или намѣреній Божіихъ. Одинъ тотъ, кто отвергаетъ переворотъ сей, и совершеннѣйшій образецъ истиннаго человѣчества находитъ въ настоящей природѣ человѣка, можетъ утверждать, чтопричина зла лежитъ въ существѣ нашей свободы.

4.) Свобода воли противорѣчитъ Божественному всевѣденію. Ибо человѣкъ можетъ поступать не иначе, какъ Богъ предвидитъ.

Свобода есть не собственное произведеніе человѣка, а даръ Божій, такъ же какъ умъ и всѣ прочія способности нашего духа. Посему несообразно ни съ какою философіею смотрѣть на волю такъ, какъ будто бы она была совершенно независима отъ Бога и не имѣла нужды въ какомъ нибудь высшемъ вліяніи, словомъ: какъ будто бы она

только посредствомъ собственныхъ силъ могла творить добро. Но если Богъ есть первоначальный источникъ и виновникъ человѣческой свободы: то по сей самой причинѣ изчезаетъ всякое противорѣчіе свободной воли Божественному всевѣдѣнію.

Не понимая, какъ свобода человѣческой воли можетъ существоватѣ вмѣстѣ съ всевѣденіемъ Бога, мы не имѣемъ права отвергать той важнѣйшей истины нашей нравственности, что человѣкъ дѣйствуетъ свободно. Мы знаемъ, что свобода и Божественное предвѣденіе существуютъ безъ всякаго противорѣчія другъ другу; но какъ онѣ могутъ или должны существовать (ratio possibilitatis), это останется для ума задачею, также непостижимою, какъ и самое Божество.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Нравственное вмѣненіе.

§ 24.

Его понятіе и область.

Всѣ чувствованія и поступки, кои произтекаютъ изъ нашей рѣшимости, вмѣняются намъ. Посему вмѣненіе вообще можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ находится свобода воли. Оно состоитъ въ сужденіи о нравственномъ достоинствѣ или недостоинствѣ поступковъ человѣческихъ; по сему при немъ должно входить въ разсмотрѣніе: а) произошло ли какое нибудь дѣйствіе изъ свободной рѣшимости виновника его, и ƅ) сообразенъ ли поступокъ съ законами нравственными, или нѣтъ.

По сему вмѣненіе есть двоякое. Оно бываетъ: 1) когда что нибудь вмѣ-